Однажды мы с сыном отдыхали на курорте в Белокурихе Алтайского края. Было ему тогда десять лет. И вот, когда мы пришли на приём к доктору, врач, как обычно, спросил меня: «Сколько вам лет?» Я ответила: «Тридцать шесть». Сын на меня удивлённо посмотрел и вопросительно одёрнул: «Мама...» Я сначала и не поняла, что неправильно назвала свой возраст, в то время мне было сорок восемь лет. Почему я так ответила — для меня непонятно, но такой грех со мной был.

Подобный случай описывает наш легендарный красноярский писатель Владимир Шанин в захватывающем, интереснейшем романе-исследовании «Суриков, или Трилогия страданий». Когда мама Василия Сурикова пришла на исповедь во Всехсвятский храм, священник её спросил: «Сколько тебе лет?» Прасковья Фёдоровна ответила: «Двадцать шесть»,— и тут же вспомнила про себя, что ей уже тридцать лет. Ненароком она убавила себе четыре года. В то время Васе Сурикову было семь месяцев.

Владимир Яковлевич подробно, ярко и живо описывает в своём романе всё, что так или иначе связано с казачеством, с Василием Суриковым, с той эпохой, в которой он жил. Во время чтения романа редкая страница у меня осталась без подчёркнутых строк.

Василий родился 12 января 1848 года по старому стилю, по новому — 25 января. В этот день православные отмечают Татьянин день. А накануне, стоя в Воскресенском соборе на службе праздника Крещения — Трицарского дня, как говорили люди в романе,— мама, Прасковья Фёдоровна, с жаром молилась, чтобы родился мальчик: «Дал бы Бог — век Пресвятой Деве Марии молиться буду». И уже молилась перед Пресвятой Богородицей: «...Помоги и помилуй. Сделай так, чтоб дитя родилось в полном здравии».

Писатель с гордостью рассказывает о том, что Прасковья Фёдоровна родом из старинной казачьей семьи Торгошиных (Торгашиных), именем которых называлась целая станица на Енисее, против Красноярска: «Со времён Ермака Тимофеевича! И Суриковы, и Торгашины рядышком казачили и в боях, и в походах, и в красноярской шатости были участники. Славный род!»

Владимир Яковлевич со знанием дела описывает, как Прасковья Фёдоровна, стоя на коленях во Всехсвятской церкви, «каялась в своих прегрешениях: что в Великий пост не выдержала и поела мясного, что не убоялась мужа и однажды прикрикнула на него — бес попутал бабу неразумную, что на Масленицу не ходила к заутрене — ребенчишко прихворнул, криком кричал всю-то ноченьку напролёт, и она тогда проспала...» «Бог наш Всевышний и Вездесущий прощает тебя, дочь моя»,— ласково произнёс священник и поинтересовался, не было ли в доме смутьянских речей. «Не было, святой отец»,— ответила Прасковья. В это время была эпидемия европейских революций. Священник озабоченно сотворил краткую молитву: «Спаси и сохрани, Господи, Россию». Священник мог быть спокоен: Суриковы верны казачьей клятве, за Родину были готовы отдать жизнь.

Отец Васи, Иван Васильевич, окончил уездное казачье училище. По окончании училища он должен быть верстаться в казаки, но губернатор Степанов, лично экзаменовавший по отечественной литературе, отобрал Ивана Васильевича, за знание патриотического стихотворения Дениса Давыдова, к себе в канцелярию. Губернатор Степанов — инициатор, организатор и один из авторов «Енисейского альманаха», вышедшего в 1828 году к 200-летию Красноярска.

С любовью повествовал Владимир Шанин о бабушке художника, Наталье Афанасьевне. Она «вся в чёрном, как монахиня», имела «благоговейный трепет пред ликом Господним», не пропускала ни одной церковной службы. Через неё Суриковы породнились с Черкасовыми. «Черкасовы ставили острог на Енисее против Красного Яра, а потом более семидесяти лет защищали его от постоянных

набегов кочевников». «...Овдовев двенадцать лет назад, себя блюла и Бога чтила, ещё пуще, ещё строже требовала того же самого и от всех Суриковых». Вот ещё один эпизод, который описывает наш писатель-земляк: как бабушке художника при закате солнца привиделся старец Фёдор Кузьмич, к которому она ездила на богомолье летом, на Феодора Стратилата. Домочадцы явление старца объясняли «усердной молитвой и длительным стоянием на коленях перед образами» — вот и привиделось. К тому же в доме на стене висели портреты императоров: Александра Павловича и здравствовавшего в то время Николая Павловича. Наталья Афанасьевна вспоминала о своём паломничестве к старцу: «Господь направил меня к нему. И не одна я была, а с богомолками — три старухи да четыре паломника из Расеи. Увидела — и сердце захолонуло: ну чисто император покойный, Александр Павлович! Похож как две капли воды. А может, это он и есть? Говорят, император-то и не помер вовсе, а тайно ушёл в народ страдать за грехи свои тяжкие...» Вернулась бабушка из Зерцал, что под Ачинском, где жил старец Фёдор Кузьмич, торжественно-воодушевлённая, в глазах её была великая тайна, открыть которую она не имела права.

Много интересных событий, встреч, традиций описывает Владимир Яковлевич; кажется, всю жизнь горожан и казаков расписал, весь уклад красноярцев изложил в трёх красных книгах романа; всех не перечислить в маленьком рассказе, но об одном диалоге всё ж таки упомяну. В раннее утро рождения Василия в дом Суриковых заглянул десятский, бабушка напоила его чаем. После чая десятский философствовал: «Откуда, к примеру, начинается грехопадение? В отказе от веры». Убийцу, замешанного в пожаре, случившемся на Новый год, он охарактеризовал как «злодея, живущего без веры в Бога». Десятский, записав в амбарную книгу сведения о рождении ребёнка, посоветовал не медлить с крещением: «А то, бывает, ни в церкву не понесут, ни в управу не идут, назовут как придётся, да так и живут, а дитя некрещёное растёт, грешное».

Как бы в ответ на эти пожелания десятского и чтобы младенец рос умным и прославил свой род, на следующий день младенца Василия окрестил священник Красноярской Всехсвятской церкви Иоанн Евтихеев, повесил на шею младенца серебряный крестик на шёлковом шнурке, передал крёстной матери Ольге Торгашиной и сказал: «Отныне ты, раб Божий Василий, должен безропотно нести крест свой и в послушании да обретешь Царство Божие на небесах!»

Василий Суриков это завещание исполнил, он впитал в себя всю культуру и историю сибиряков, семейные казачьи традиции, перенёс это на холсты своих картин, восславив свою родину. «В Бузимовке,— записаны воспоминания художника,— мне вольно было жить... И масленичные гулянья, и христославцы. У меня с тех пор прямо культ предков остался...»

Культ предков может стать и нашим достоянием, нашей жемчужиной, если мы с такой же любовью будем относиться к своим традициям, интересоваться своей родословной и историей того места, где живём. И поможет нам в этом роман Владимира Шанина — прекрасная полная энциклопедия красноярской жизни суриковской эпохи.

11 марта 2018